

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ВЕТЕРАНАМИ SS-WAFFEN (1)

Werner Völkner

SS-Rottenführer

3-я бронетанковая дивизия SS Totenkopf

В начале пути

Моя работа на гражданке подразумевала возможность пройти полный курс профессиональной подготовки до призыва на военную службу. В Гитлерюгенде я приобрел некоторый опыт полетов на планере и очень хотел стать летчиком. Но меня не взяли в летный состав Люфтваффе из-за какой-то застарелой ушной инфекции, ну а в наземных частях авиации я и сам не хотел служить. Проходя по корридору призывного пункта, я увидел плакат, призывающий идти служить в бронетанковые части SS-Waffen, и решил: «Это для меня!»

Обучение



Наше обучение было трудным, но для меня не таким продолжительным, поскольку я уже прошел доармейскую военную подготовку. Мы обучались стрельбе и марш-броскам, прошли восемь недель базовой пехотной и специализированной артиллерийской подготовки, овладели навыками использования различных видов стрелкового оружия.

Один из парней, с которым я жил в одной комнате, свалился с дифтеритом, и его отправили в госпиталь. Нашу комнату посадили на карантин. Вскоре дежурный унтер-офицер пришел инспектировать нашу комнату. Беспорядок у нас был страшный. Унтер-офицер пришел в ярость и решил было выгнать на всех на казарменный плац, но из-за карантина это было невозможно. В гневе он вытащил все содержимое из наших шкафчиков и вышвырнул его в окно – каски и все остальное, крича, что он покажет нам, как убираться в помещении. Разумеется, он забыл о карантине. Выйти из казармы мы не могли, и ему пришлось выйти самому и найти кого-то, кто мог бы собрать наши вещи...

У одного из наших наставников был излюбленный способ держать нас в состоянии занятости. Это всегда происходило посреди ночи. Отделение, взвод или даже вся рота должны были сначала построиться, а затем поступал приказ: через три минуты вернуться в спортивной форме. Первым троим из вернувшихся разрешали спать дальше, а остальные получали приказ вернуться через шесть минут в форме и с полной выкладкой. И опять первые трое из вернувшихся получали разрешение вернуться в казарму. Некоторые пытались пойти на обман и не переодевались полностью, а просто одевали полевую форму прямо на спортивную одежду. Однако, все, кто попадали в первую тройку, тщательно проверялись. Горе было тем, кого хватили за руку! Поскольку у нас было пять или шесть видов одежды - полевая форма, форма для увольнительных, парадная форма и так далее, эти

упражнения могли продолжаться всю ночь. Само собой, это прививало дух соревнования, укрепляло нас, настраивало нас на стремление не дать инструктору возможности сломать нас, так что, в конце концов, это было полезным упражнением...

В Демьянском котле

Утром 26 декабря 1942 г. нас предупредили о том, что русские прорвали нашу линию обороны и атаковали линии снабжения. Нас отправили выправить ситуацию, но когда мы прибыли на место, стало ясно, что Иваны уже побывали здесь. Грузовики были брошены, их содержимое разбросано по сторонам. Это был полный разгром. Водителей выволокли из кабин, и затем русские либо забили их до смерти прикладами, либо перерезали им горло и искололи штыками. Это было тошнотворное зрелище...

Позднее мы узнали, что русские вырвались из окружения: не хватило сил, чтобы удержать их в кольце. Они перехватили транспортную колонну, растащили продукты и исчезли. Мы получили приказ догнать их на наших колесно-гусеничных машинах.

Мы догнали их. Бой оказался коротким и жестоким. Наша машина получила прямое попадание в двигательный отсек. Потеряв ход, не имея возможности маневрировать, мы превратились в неподвижную мишень. Первый номер нашего оружейного расчета получил пулю прямо в голову. Наводчик был ранен в руку, а затем нашего сержанта просто осыпало шрапнелью. Ничего не оставалось, как выбираться из машины и побыстрее. Мы выпрыгнули из машины в глубокий снег – до метра на глубину! – и это смягчило приземление, хотя дальнейшие перемещения были крайне затруднены. Я вновь забрался в машину, чтобы взять свою винтовку. По существующим правилам винтовки полагалось крепко притягивать к стойке специальной петлей. Кто-то из моих товарищей не побеспокоился об этом. Его петля зацепилась за мою винтовку и задержала меня на пару секунд. Вот тогда-то русская пуля и попала в корпус машины прямо рядом со мной. Если бы эта петля не оказалась на моем пути, эта пуля попала бы в меня.

Я схватил сразу две винтовки и, удерживая их за концы стволов, использовал их как лыжи, продвигаясь по снегу. Пройдя не более 10 метров, я оказался под огнем. Я не видел противника, да и в любом случае у меня было всего по 5 патронов в каждой из винтовок. Я начал стрелять туда, где были видны вспышки от выстрелов, но то, что в меня рано или поздно попадут, было только вопросом времени. По счастью, колесно-гусеничный вездеход из саперного взвода пришел к нам на помощь и спас нас...

На следующий день мы пришли на то же место, чтобы вызволить нашу машину. Тело нашего артиллериста оказалось изуродованным русскими. Конечно, он к тому времени уже был мертв и не мог ничего чувствовать, но зачем им это понадобилось?

По мере того, как ситуация со снабжением ухудшалась, мы стали переходить на подножный корм. Мы пытались выменивать у местных хлеб или яйца на наши сигареты. Разумеется, некоторые из нас пошли наиболее простым путем. Как-то один местный пожаловался, что какие-то солдаты украли у него свинью. Наш командир приказал всем построиться в одну шеренгу. Правда, мы выглядели все

одинаково для бедного крестьянина в нашем камуфляже, и он так и не нашел тех, кто стащил его свинью...

Как-то нас построили, чтобы выявить тех, кто вскрыл неприкосновенный запас: галеты и мясные консервы. Наш командир приказал нарушителям выйти из строя и сделать три шага вперед. Мы посмотрели друг на друга, после чего вся рота сделала три шага вперед. В обычных условиях это означало бы трое суток ареста, но, само собой, было невозможно посадить под арест всю роту. Тем не менее, в наказание нам приказали вырыть глубокие траншеи для того, чтобы упрятать в них от шрапнели наши вездеходы. Скажу я вам: котлован для того, чтобы упрятать в нем восьмитонный вездеход довольно велик! Затем нам приказали рыть окопчики для себя. Само собой, это было наказание, но после этого нам уже было где прятаться.

Когда бои в котле прекратились, меня вызвали к командиру. Я не помнил за собой никаких провинностей, да и за вскрытый неприкосновенный запас нас уже наказали. Когда я пришел к командиру, он спросил: «Фёлькнер, когда ты последний раз был в отпуске?» Я ответил, что в отпуске я вообще еще не был ни разу. Итак, я отправился домой в отпуск. Все произошло так быстро, что у меня даже не было времени написать письмо и написать родителям, так что мое появление оказалось для них полным сюрпризом. Моя матушка также обрадовалась моим продовольственным карточкам и предложила сразу же отправиться к мяснику, чтобы купить на них свинины. Свинина! Я не стал бы расстраиваться, если бы мне больше никогда в жизни не пришлось поесть свинины: я был одним из тех, кто обглодал ту самую украденную свинью...

Середина войны

В тот день, когда мы отбили Харьков, я отмечал свой день рождения. Наш командир роты пришел пожелать мне всего наилучшего и принес с собой бутылку бренди. Он сделал глоток, затем пустил бутылку по кругу и пожелал нам хорошего дня прежде, чем уйти. Мы с удовольствием выпили, настроение поднялось и оставалось таким до того момента, пока не появились возвращавшиеся с поля боя части, несущие с собой раненых. Вид изувеченных тел быстро отрезвил нас и вернул с неба на землю. Мы спрятали бутылку, подготовились к бою, и война вернулась к нам...

В конце марта 1943 г., во время прочесывания местности в поисках оставшихся незахваченными русских, я едва не расстался с жизнью. Мы продвигались через какие-то перелески и деревни в поисках противника, и я наткнулся на тяжелораненого русского солдата. По-моему, у него были разможены ноги. Он лежал в снегу, красном от крови. Мне стало жаль его, поэтому, проходя мимо него, я достал из своего медицинского пакета бинт и бросил ему, чтобы дать возможность перевязать раны. Уже уходя, я обернулся: что-то заставило меня сделать это. Я увидел, как он целится в меня, готовясь выстрелить... По счастью, один из моих приятелей успел нажать на курок раньше его. Тогда никто из нас не знал, насколько близко к нам иногда бродила смерть.

На отдыхе во Франции

Моя дивизия была отведена во Францию на отдых и переформирование. Мы прибыли на железнодорожную станцию и начали разгружать наши машины и оружие. К сожалению, тягачей

для всех орудий не хватало, и меня оставили охранять одно из орудий, для которого не хватило трактора. Прошло два часа, затем еще два, потом стало темнеть. Все это время я оставался объектом любопытства со стороны местных жителей. У меня не было еды и денег, чтобы купить что-нибудь поесть. Все, что я смог сделать, - это сорвать несколько яблок в соседнем саду. Эти яблоки расстроили мой кишечник на несколько последующих дней... Только когда прошла вечерняя проверка, выяснилось, что я где-то запропастился. Про меня просто забыли!..

Другой случай: как-то я был в патруле, охраняя гараж, в котором стояли все наши машины. Чувствовал я себя ужасно. Ко времени смены караула на следующее утро я еле держался на ногах, так что меня отвезли в госпиталь. Какой-то унтер-офицер подошел осмотреть меня, при этом он отнесся ко мне без особой симпатии и устроил мне выволочку. Он сказал, что я не был в состоянии исполнять свои обязанности должным образом. Я попытался объяснить, что не мог оставить свой пост, но он сказал, что я должен был выстрелить в воздух, чтобы привлечь внимание сослуживцев...

Находясь в госпитале, я стал объектом интереса со стороны молодой красивой француженки. Как-то она сказала мне, что мою дивизию собираются отправить обратно в Россию. Однако, среди солдат ходил слух, что нам вот-вот выдадут тропическую форму и отправят в Северную Африку, поэтому я объяснил ей, что она была неправа. Она хотела, чтобы я дезертировал, и рассказала мне, что у нее есть друзья, которые спрячут меня. Она была прекрасной девчонкой, но я решил для себя, что мой долг перед страной превышает всего этого. После выписки из госпиталя, в один из дней меня с другими ребятами отправили на станцию за новым набором полевого обмундирования. Когда мы увидели это снаряжение, мы испытали шок: валенки, стеганные анораки и дополнительные одеяла – зимнее снаряжение! Все оказалось правдой – мы возвращались в Россию...

На более позднем этапе войны в 1943 г. Вернер Фёлкнер участвовал в Курском сражении.

В 1944 году во время боев в Польше он был ранен и отправлен в находящийся в Будапеште госпиталь. Во время наступления Советской армии госпиталь был эвакуирован, но по дороге санитарный поезд был обстрелян вражескими самолетами. Фёлкнер пешком добрался до Германии, разыскал свой полк и после капитуляции попал в плен к американцам. В то время он был убежденным нацистом, и, сдаваясь в плен, отсалютовал победителям традиционным нацистским приветствием. Его мнение о Гитлере и в поздние годы жизни не изменилось: «До войны и во время войны я был согласен со всем, что делала Германия, но когда я узнал о концентрационных лагерях и о том, что творилось в них, на меня как будто свалился кирпич весом в одну тонну.» Он утверждал, что никогда не был антисемитом и всегда отрицательно относился к неонацистам. Однако, Фёлкнер всегда настаивал на том, что «не все, что происходило в нацистской Германии, имело дурной характер».

*Он всегда гордился своими наградами, полученными на Восточном Фронте: нагрудным знаком *Infanterie Sturmabzeichen* за участие в атаках, медалью за службу в ПВО, нашивкой за ранение и Железным Крестом 2-го класса, полученным за спасение раненых товарищей в бою под Гродно 20 июля 1944 года. Ему принадлежат такие слова: «То, через что прошли мы с моими товарищами невозможно рассказать тому, кто там не был. Это отковало нерушимую связь между нами, и мы это никогда не забудем.»*

Он всю жизнь гордился службой в СС, входил в секретные группы ветеранов СС, проживающих в Великобритании, и никогда не раскаивался в содеянном в прошлом. Он всегда отрицал многие обвинения в зверствах, приписываемых СС. В 1980-х он побывал в Иерусалиме, посетил Стену Плача и оставил в одной из трещин записку такого содержания: «Мы не совершили всего того, что нам приписывают.» В интервью британскому журналисту он сказал: «Вы смотрели фильм Спилберга «Band of Brothers»? В нем показано, как американцы убивают наших солдат, сдавшихся в плен. Вот поэтому у них нет права жаловаться на то, что солдаты СС-Waffen расстреляли кого-то из них...»

После войны Фёлкнер оказался в Англии и провел три года в лагере для военнопленных. После освобождения он женился на англичанке, но его первый брак быстро распался, и он повторно женился в 1958 году. Через год он решил проявить лояльность Британии и поступил на службу в британскую армию – в территориальную часть Вестминстерских Драгун, прикрепленную ко 2-му Королевскому Танковому Полку. «Честно говоря, я хотел еще раз схватиться с русскими», - говорил Фёлкнер. Полковник Джон Аннетт, который служил рядовым в этой части в одно время с Фёлкнером, вспоминал, что прошлое последнего его не никак не беспокоило: «Холодная Война была в разгаре, и нам был нужен каждый человек.»

Фёлкнер провел в своей части 5 лет, дослужившись до звания капрала. Двое его сыновей также служили в британской армии. Фёлкнер рассказывал: «В детстве моих сыновей дразнили мальчишки, говоря им: «Твой отец убивал евреев.» На самом деле, я ходил в школу с еврейскими парнями, и один из моих учителей был евреем. О том, что с ними стало, Фелкнер говорить не стал...

[The Telegraph. 05 May 2002. The German who served Adolf Hitler, Queen and Country. By Daniel Foggo](#)

Hans-Gerhard Starck

SS-Oberscharführer

1-я Дивизия Leibstandarte SS Adolf Hitler

Путь в СС-Waffen

Мое желание служить в СС был частично обусловлено моим возрастом. Все мои школьные друзья были на год или два старше меня. В возрасте 17 лет, в марте 1942 года, я сдал выпускные экзамены. Поскольку я носил очки, меня не взяли бы в Люфтваффе, да и путь в парашютисты был для меня закрыт. Еще в Гитлерюгенде я прошел военную подготовку в учебном полку в Доберитце и 9-м



Пехотном полку в Потсдаме, но эти курсы длились всего по несколько дней или около того. Я был хорошим спортсменом и физически довольно крепким парнем, поэтому и решил, что стану пехотинцем. Каких-то теплых чувств по отношению к армии у меня не было, и я пошел добровольцем в SS-Waffen. Меня приняли в запасной батальон связи в Нюрнберге.

Дни, отведенные на обучение, тянулись долго, и нам приходилось нелегко. Боевая подготовка была интенсивной, однообразной и приближенной к реальным условиям. Упражнения повторялись до тех пор, пока наши действия не доводились до автоматизма. Я полагаю, все это спасло много жизней позднее, когда мы оказались на фронте. Мы все были хорошими спортсменами, но инструктора гоняли нас на пределе наших физических возможностей и давали такие задания, при выполнении которых мы могли бы доказать свою стойкость и непреклонность. Как-то, например, мы получили приказ сделать марш-бросок с полной выкладкой и в противогазах. Мы добрались до места под названием Dutzend-Teich и уткнулись то ли в пруд, то ли еще в какой-то водоем глубиной 150-180 см. Наш средний рост был 177 см. Был отдан приказ продолжить марш, никуда не сворачивая, прямо по воде, и при этом еще петь! Но никто из нас даже не дрогнул. В конце концов, когда вода уже была по шею, нам приказали повернуть назад. В казарму мы маршировали насквозь мокрыми и с удвоенной скоростью ...

В учебных подразделениях SS-Waffen, в отличие от Вермахта, для поддержания духа доверия и товарищества солдаты не запирали свои шкафчики (В.К.)

В нашем полку, а точнее, в нашей роте, нашлось двое парней, которых поймали на краже. Обоих приговорили к смертной казни и расстреляли, после чего роту построили и заставили пройти маршем над их могилами. Вот такую цену можно было заплатить за воровство у своих же товарищей ...

На отдыхе во Франции

Когда наш полк находился на отдыхе во Франции в 1942 году, из-за моего хорошего знания французского мои товарищи назначили меня ответственным за покупки в магазинах городка Laigne. Одна женщина, которая владела магазином, в котором я регулярно отоваривался, познакомилась со мной и пригласила меня к себе на ужин. Она рассказала мне, что ее собственный сын погиб в самом начале французской кампании в 1940 году. Она относилась ко мне по-матерински и даже предложила спрятаться у нее, в случае если я дезертирую. Я мог бы остаться у нее до самого прихода союзников, но, конечно же, я отказался, хотя и остался в недоумении: почему она была уверена в том, что я ее не выдам?..

На пути в Венгрию

После наступления в Арденнах нас перебросили на восток, и мы отправились в Венгрию на поезде. Все транспортные пути были под постоянными атаками штурмовой авиации союзников, и нам

четырежды приходилось покидать эшелон в поисках укрытия. По счастью, обошлось без потерь. Как-то раз я проснулся и обнаружил, что поезд стоит, и мой вагон опустел - все ребята куда-то подевались. Подойдя к двери, я увидел, что все они залегли ниже по склону от железной дороги и, местами, под разбросанными по местности деревьями. Я оглянулся и увидел, что вокруг того места, где я только что лежал, весь пол изрешечен снарядами 20-мм пушек. Когда мои товарищи вернулись, они не могли поверить в то, что я умудрился остаться в вагоне и при этом уцелеть! Ну а я был настолько измотан, что проспал весь этот воздушный налет...

После провала наступления в районе озера Балатон, в начале 1945 года, началось долгое отступление на запад. Три дивизии румынской армии сдались русским, что создало широкий просвет в наших оборонительных позициях. Сначала бронетанковые части, дислоцированные к югу от озера, отошли на восток к Ворпалоте, а затем мы начали отход на запад. К этому моменту молодые солдаты нашей дивизии уже не были столь дисциплинированными, как мы – они были просто как дети. Это уже не была та наша старая прославленная дивизия, и в ее боеспособности был замечен спад...

Мы достигли австро-венгерской границы в районе Оденбурга, где нам пришлось совершить переход через горы. Если какая-то техника выходила из строя, ее сбрасывали под откос. К югу от Вены, 8 мая 1945 года, мы получили приказ форсировать реку Эннс и сдаться американцам. Так закончилась моя трехлетняя солдатская служба.

На протяжении трех месяцев после этого нас содержали в бывшем концентрационном лагере неподалеку от Линца, а затем я был переведен в Бургау (Швабия). Когда я попал в плен, я весил 80 кг, теперь во мне было всего 52 кг – я исхудал настолько, что получил кличку «Ганди». В Бургау мой бывший командир из Leibstandarte устроил меня в лагерный офис, где работало еще трое ребят. Сам он был старшим заключенным. Затем, в январе 1946 года, нам приказали подготовить документы об освобождении для наших молодых парней 1928 года рождения. Я воспользовался этой возможностью и сделал себе нужные документы. Их особо не проверяли, и так я оказался на свободе.

О противниках

Впервые я столкнулся с британцами в районе Каена в Нормандии. У них всего было полно – просто горы снаряжения, и они обращались с ним довольно расточительно. Мы нередко подбирали то, что они выбрасывали. Русские были крепкими бойцами и хорошими солдатами – все и во всем. Что касается американцев, то я не думаю, что во время высадки в Нормандии ими командовали должным образом – возьмите, к примеру, неразбериху на плацдарме «Омаха». Их десантировали слишком далеко от берега и на большой глубине – конечно, им крепко досталось. Позднее, уже в Арденнах, я столкнулся американцами, которые абсолютно ни в чем не уступали нам. Канадцы были крутыми парнями, но я лично не уверен, что у них было все в порядке с дисциплиной.

О Гиммлере

Что касается Reichsbeini (*человек, преисполненный собственной важностью – GW*), то я относился к нему так же, как и другие. По мне он был человеком, которому нельзя доверять, - какой-то жонглер-наперсточник, слабый маленький человек, ничего не представлявший из себя без военной формы...

Заключительное слово

Сегодня люди не могут или не хотят видеть разницы между CC-Waffen и теми, кто убивал евреев в концлагерях – нас всех вымазали одной и той же краской. Мы, фронтовики, были шокированы, когда узнали о том, что происходило у нас за спиной. Никто не мог объяснить, зачем это понадобилось. Определенно, мы все сожалели о том, что вообще стал возможным перевод некоторых из лагерных охранников в CC-Waffen. Тем не менее, меня мало волнует то, с каким предубеждением относятся к CC-Waffen. Я скорблю по своим павшим товарищам и тем, кто погиб, сражаясь против нас...

Eduard Janke

SS-Unterscharführer

11-я Дивизия SS Freiwilligen - Panzergrenadier *Nordland*

Выбор

... Почему я вступил в CC-Waffen, а не пошел в Вермахт? Очень просто – я хотел служить в элитных войсках!

Бой в Померании – январь 1945 года

Моя часть стояла в небольшой деревне в Померании. Мы были в рекогносцировочном патруле, когда выяснилось, что возникла опасность окружения. Мой командир приказал мне объяснить командиру единственного имевшегося в нашем распоряжения танка – “Konigstiger” (Королевский Тигр – ВК), в каком положении оказалась наша часть.



Танком командовал обершарфюрер-СС, на груди которого были видны Рыцарский и Железный Кресты. Он сказал мне, чтобы я удостоверился в том, что при появлении русских наши противотанковые орудия не откроют огонь, пока он сам не сделает этого. «Тигр» направился в сторону приближающихся русских и занял позицию за небольшим бугром. Уже вскоре головной русский танк показался на опушке леса напротив деревни. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь танков выползли из леса... Мы почувствовали себя не вполне комфортно. И только когда в поле зрения появился тринадцатый танк, «Тигр» открыл огонь. Вспыхнул головной танк русских, и тут вступили в бой наши противотанковые орудия. Стало заметно, что русских охватила паника. Они отвернули в сторону и попытались уйти из-под обстрела, но

все было напрасно. Наши снаряды поражали один танк за другим. Хаос усилился, когда «Тигр» вновь открыл огонь. Вскоре все русские танки горели...

Все, кто наблюдал за этим боем, ликовали. Опасность попасть в котел еще не была полностью устранена, и нам пришлось покинуть деревню в тот же день. Так или иначе, этот день мне запомнился.

О Советской армии

Я воевал только на Восточном фронте, и, по-моему мнению, русские были превосходными солдатами.

Ernst Barkmann

SS-Oberscharführer

5-я бронетанковая дивизия СС Wiking

Эрнст Баркманн (23.08.1919 – 27.06.2009) начинал свою службу в пехоте, позднее стал танкистом. Он получил редкий для танкиста нагрудный знак Panzer Kampfabzeichen за 25 боев против танков противника. В 1944 году в Нормандии он стал одним из ведущих немецких асов-танкистов, уничтожив в одном бою 9 танков «Шерман», и получил Рыцарский Крест. Ему также довелось сражаться на Восточном фронте...

Восточный фронт

Бои в России временами носили исключительно ожесточенный характер, особенно в предгорьях Кавказа, но мы завоевали себе самую высокую репутацию. Даже русские солдаты с уважением, хотя и не без ревности, относились к дивизии *Wiking*...

Каждый солдат, который, как и я, готовился стать пехотинцем и позднее служил в этом роде войск, знает все о трудностях, которые преследуют тебя во время боевых действий. Считалось, что солдат должен принять участие в трех боестолкновениях, чтобы заслужить нагрудный знак *Infanterie Sturmabzeichen* (за бои в атаках – ВК), а на Восточном фронте это практически всегда был ближний бой. Забыть первый бой невозможно – это навсегда остается с тобой, поэтому мы никогда не снимали свои нагрудные знаки *Infanterie Sturmabzeichen*.

О войсках *СС-Waffen*

Войска СС имели множество различных частей и решали различные задачи. Тем не менее, сегодня всех свалили в одну кучу, и репутация *СС-Waffen* оказалась испорченной. До 1933 года, после ПМВ, Германия лежала в руинах. Проигранная война, ужасающая экономическая ситуация, семь миллионов безработных, голод, множество бездомных, ничтожное социальное обеспечение. Затем пришли Гитлер и НСДАП, и все эти проблемы исчезли.



В то время я был 12-летним школьником и барабанщиком в детском оркестре. Мы часто маршировали впереди колонн штурмовиков и эсэсовцев во время парадов, связанных с выборами. Пропаганда, направленная против коммунистов, социалистов и евреев, может, и была обычным делом в городах, но от нашей фермы все это было очень далеко. Теперь же, поскольку я служил в *СС-Waffen*, меня ассоциируют со всеми преступлениями нацистов.

То, что в войсках *СС-Waffen* служили честные и храбрые солдаты, признают даже советские ветераны, которые приглашали нас посетить Кавказ (*вероятно, места боевых действий - ВК*)...

Встреча с бывшим противником

Как-то, много лет спустя после войны, я встретил русского, который сражался в Венгрии и участвовал в боях за Вену в 1945 году. У нас было полное взаимопонимание! Он рассказал мне, что во время войны был командиром роты и также командиром тяжелого танка Ис-2. Когда-то я был его противником, который командовал «Пантерой». Это была просто случайность, что нам довелось встретиться спустя столько лет после войны. Теперь же мы сидели друг напротив друга в баре. В тот день не было споров и вражды. Мы были просто двумя старыми солдатами, которые просто сидели и пили вместе одну стопку водки за другой...

Richard Fuchs

SS-Unterscharführer

5-я дивизия SS Wiking

Выбор

Почему я вступил в CC-Waffen, а не в Вермахт? Для Waffen-CC и для меня большевики были главным врагом, и я хотел сражаться против них в составе элитных частей.

На фронте



Я служил в подразделении Panzerjäger Abteilung (Противотанковое отделение) в дивизии Wiking. Сначала у нас на вооружении были 37-мм и 50-мм противотанковые пушки, затем мы получили самоходные орудия калибром 7.62 см.

В январе 1943 я был водителем полугусеничного командирского грузовика, оснащенного радиостанцией и всего лишь одним пулеметом MG34. Мы были в патруле близ деревни Мечидинская (*Мечетинская ? – ВК*) где-то в калмыкских степях. Погода стояла морозная, и хотя 75-мм орудия были в боевой готовности, все пулеметы чешского производства полностью обмерзли и оказались совершенно бесполезными.

Неожиданно нас атаковал пехотный батальон русских. По счастью, на моей машине стоял исправный немецкий MG34, и я быстро навел его на противника и открыл огонь. Интенсивность и точность нашего огня ошеломила русских, и через короткое время они в беспорядке отступили. Я получил благодарность от командира моей роты, а вскоре был награжден за этот бой Железным Крестом. К этому моменту я успел принять участие в 25 боестолкновениях...

Южный сектор фронта

На Кавказе, во время нашего наступления, в один из вечеров, мы вступили в деревню и замаскировали в ней нашу самоходку так, чтобы противник не мог заметить ее с воздуха. Запор, удерживающий ствол орудия, был открыт, и, совершенно случайно, орудие нацелилось на большой куст. К ночи, когда мы начали готовить нашу позицию на все случаи жизни, до нас донесся шорох, и из-за куста появился русский в военной форме с поднятыми вверх руками. Само собой, это вызвало всеобщее веселье... Наш командир попросил меня перевести то, что говорил этот русский. Я спросил его, откуда он. Он указал на соседний дом и сказал: «Оттуда». Командир приказал мне отвести его домой, и я отправился к этому дому вместе с русским. Он быстро скрылся в доме, затем довольно быстро вновь появился, одетым во вполне приличную гражданскую одежду. Он с

гордостью представил меня своей жене и множеству детей. В знак благодарности он предложил мне отведать гуся. Я отступил и сказал счастливому хозяину, вернувшемуся в свой дом, что он и его семья должны съесть гуся сами. Все это крестьянское семейство стояло и смотрело на меня со слезами облегчения и благодарности на глазах...

В другой раз, также в период наступления, нам предстояло переправиться через какую-то реку во время паводка. Некоторые из отступающих русских уже закрепились на противоположном берегу, и на нас обрушился довольно плотный пулеметный огонь. Я отправился в разведку и сумел перебраться на другой берег без особых затруднений. Здесь, на противоположном берегу, я наткнулся на лежавшего на земле русского солдата, тяжело раненого в бедро. Я подошел к нему, и он начал умолять меня не стрелять в него. У меня в кармане был бинт, и я отдал его русскому. Он попытался поцеловать мне ногу в знак признательности – парень просто не мог поверить в то, что я не собираюсь убивать его.

Гражданские

Позднее, зимой 1941/42 гг. вместе с тремя товарищами я квартировал в доме у русских в какой-то маленькой деревне. Это был южный сектор Миусского фронта (дивизия Wiking в начале декабря 1941 года была отведена на западный берег р. Миус – GW). В примитивном глинобитном домике было всего две комнаты. Семья русских состояла из четырех человек: отец, мать и двое детей 8 и 12 лет от роду, по имени Иван и Юра соответственно. У них было очень мало продуктов, и уже вскоре мы начали делиться с ними своими рационами. Я быстро подружился с детишками и поэтому смог выучить довольно много слов и фраз на их языке. Мне удалось помочь этому семейству обменять семечки на масло на местной мельнице, которая находилась в ведении немецкой администрации. Отец семейства, кроме того, разжигался у меня табаком, что приводило его в восторг. Мне довелось организовать соревнования по стрельбе из лука между местными детьми. В конце концов, я превратился в человека, исполняющего функции местного директора школы.

Пришла весна, и мы получили приказ отправляться в путь. Наша повозка была уже готова тронуться в дорогу, я пошел попрощаться с моими юными друзьями, но не нашел их в доме. Все бросились искать детей, и, в итоге, мы нашли их сидящими на камне за домом, ревущими во весь голос. Было очень грустно расставаться с ними и с их семьей.

Позднее, уже в Донбассе, неподалеку от Сталино, я свалился с какой-то инфекцией, и меня поселили отдельно от остальных в доме у какой-то пожилой русской матушки. Мой котелок висел на заборе, и каждый день мои товарищи приходили и наполняли его. Матушка рассказала мне, что когда Красная Армия отступала, ее дочь была эвакуирована, чтобы не попасть в руки немецких нелюдей – во всяком случае, так ей сказали...

Я был действительно тяжело болен, и матушка ухаживала за мной так, как будто была моей матерью! Она вставала очень рано, около 4 утра, и ходила пешком в Сталино, чтобы раздобыть для меня муки. Ну а потом вновь пришел приказ отправляться в путь. Я упаковал свой ранец, уложил

его в машину и пошел попрощаться с матушкой. Я наткнулся на нее на заднем дворе – для нас обоих это было расставание со слезами на глазах...

О Гиммлере

В Waffen-СС Гиммлера не любили. Для нас он был в той или иной степени чужаком. Мы звали его Reichsbeini. Что касается Гитлера, то теперь я полагаю, что он должен был понимать следующее: невозможно выиграть войну против всего остального мира. Ну а приказы всегда стоять насмерть, отдаваемые в последние месяцы войны, стоили очень многих жизней немецких солдат...

Remy Shrijnen

(24-12-1921 - 27-07-2006)

SS-Unterscharführer

SS Freiwilligen Langemarck

В начале пути



Я был фламандским националистом, восторженно относившимся ко всему немецкому, и убежденным антикоммунистом, поэтому в июле 1940 года я добровольно отправился работать в Германию, чтобы лучше узнать эту страну и ее людей. В тот самый день, когда началась война против Советского Союза, я направился на призывной пункт SS-Waffen и заявил о своем желании служить в этих частях. К сожалению, поскольку мой рост составлял всего 1.64 м, а минимальный рост для допуска в войска СС был 1.78 м, моя просьба не была удовлетворена. Это не выбило меня из колеи, и я продолжал попытки записаться в СС добровольцем. В конце концов, летом 1942 года, меня приняли во Фламандский Добровольческий Легион.

Обучение в SS-Waffen было нелегким испытанием и среди прочего включало освоение *Parademarsch* – парадной маршировки «гусиным шагом», приобретение боевых навыков и, само собой, спортподготовку в очень больших количествах. Будучи новобранцем, я вполне положительно воспринимал нашу подготовку, которая охватывала все, что могло понадобиться в боевых условиях.

Восточный фронт

Сначала мне довелось служить на северном участке Восточного фронта, в болотах близ Ленинграда, где я был ротным посыльным.

Позднее, когда Добровольческий Легион *Flandern* (Фландрия – В.К.) был реорганизован и переименован в *Sturmbrigade Langemarck*, я стал артиллеристом и оказался в расчете 75-мм противотанкового орудия №9 в 3-м взводе. Начиная с 31 декабря 1943 года, мой взвод принимал участие в боях против советских танков Т-34 в районе Киева и Житомира, где нам удалось вывести и строя три русских танка и заставить повернуть назад еще четыре. Позднее, с 5-7 января 1944 года, взвод вел бои в Чудновском районе (*Житомирская область – В.К.*). Бои были исключительно ожесточенными с тяжелыми потерями для обеих сторон. 6 января весь погиб весь расчет 8-го орудия, 7-е орудие было повреждено, погиб командир взвода обершарфюрер-СС Грабмейер (*Grabmeyer*). Вскоре единственным боееспособным орудием во взводе осталось 9-е... Прошло немного времени, и единственным живым из всего расчета остался я. Был отдан приказ отступить, но я проигнорировал его и остался на позиции. Мне приходилось заряжать, наводить и стрелять самому...

Началась очередная атака советской пехоты. Собственно говоря, отразить ее было уже некому, но еще оставался в живых радист – парень, который попал к нам из Кригсмарине. Он был смертельно ранен, но сумел вызвать огонь артиллерии на себя. За волной русской пехоты шло около 30 танков, включая сверхтяжелые танки ИС-2. В ожесточенной перестрелке я сумел подбить 3 ИСа, 4 Т-34 и вывести из строя еще несколько машин. Затем, с расстояния где-то в 30 метров, ИС-2 вlepил снаряд прямо в мое орудие. Взрыв отшвырнул меня, я получил тяжелое ранение. Я так и оставался лежать какое-то время, пока не был обнаружен нашими солдатами, которые в тот же день отбили наши позиции в контратаке...

Реми Шрийнен был найден на поле боя среди более чем десятка уничтоженных советских танков и стал первым фламандцем, получившим Рыцарский Крест.

О Советской Армии

С моей точки зрения, русские были отличными солдатами, но у них были бездарные командиры – офицеры, которые без толку угробили очень многих в самоубийственных лобовых атаках. Русские несли страшные потери, и это оказывало на них сильнейший деморализующий эффект.

После войны

После войны Шрийнен вернулся в Бельгию и попал в плен к союзникам...

Обращались со мной самым зверским образом как британцы, так и американцы, но я должен сказать, что такое отношение ко мне проявляли не солдаты с передовой. Я оказался в заключении в статусе эсэсовца-иностранца, был лишен обычных прав военнопленного и какой-либо законной защиты. Ну а в Бельгии, уже позднее, жандармы зверски избили меня дубинками и ружейными прикладами... Они били меня и в пах – им все было разрешено. Что говорить, даже медсестры из Красного Креста, служившие немцам, получали 20-летние тюремные сроки...

В Бельгии Шрийнен попал под суд и получил смертный приговор, который был почти сразу заменен на пожизненное заключение. В 1950 году он был освобожден и вышел из тюрьмы за хорошее поведение. Однако в 1953 году за участие в маршах, участники которых требовали амнистии тем, кто сражался на Восточном фронте, и которые часто оканчивались стычками с полицией, он был вновь заключен в тюрьму на два года. В 1962 году Шрийнен эмигрировал в ФРГ. До конца своих дней он был почитаем фламандскими фашистами как «Последний Фламандский Рыцарь»...

По книге Gordon Williamson. Loyalty is my honour (Моя честь – верность). London, 1995

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org